

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-57-62

ПОПОВ Михаил Юрьевич
г. Краснодар, Россия
popov-52@mail.ru

Mikhail Yu. POPOV
Krasnodar, Russia
popov-52@mail.ru

УПОРОВ Иван Владимирович
Краснодарский университет МВД России
г. Краснодар, Россия
uporov@list.ru

Ivan V. UPOROV
Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal
Affairs
Krasnodar, Russia
uporov@list.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОНОПОЛИИ НА ЖИЛЬЕ ДЛЯ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СОВЕТСКОЙ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ В 1920-1930-е ГОДЫ (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

USING OF STATE HOUSING MONOPOLY TO ADDRESS SOCIO-ECONOMIC ISSUES AS PART OF THE SOVIET HOUSING POLICY IN THE 1920-30S.: LEGAL ASPECT

В статье раскрывается один из малоизученных аспектов жилищной политики советского государства в 1920-1930-е годы, связанный с использованием государственной монополии на жилье для решения экономических проблем в советской стране, и прежде всего речь идет о развитии промышленности в городах в рамках известной индустриализации. С этой целью жители деревень, приезжавшие в городскую местность, заселялись в общежития и квартиры, принадлежавшие государству и находившиеся в распоряжении руководства предприятий, попадая тем самым в зависимость от последних. В работе приводятся правовые акты, регулирующие этот процесс, даются их анализ и оценки. В частности, согласно Декрету СНК по тарифному вопросу от 10 сентября 1921 г. предусматривалось, чтобы связь рабочего и служащего с предприятием и учреждением была «полной», при этом имелась в виду, что именно предприятие, где рабочий трудился и в жилом фонде которого проживал, становилось местом получения культурных и бытовых благ, включая квартиру для семьи рабочего. Такой подход советской власти дал начало процессу создания «труд-бытовых коммун». Авторы в этой связи отмечают, что идея трудо-бытовых коммун относилась не только к производственным коллективам фабрик и заводов, но и к иным советским трудовым коллективам, в частности коллективам служащих учреждений. Более того, в соответствии с этим принципом расселяли своих сотрудников центральные органы власти, местные Советы, общественно-политические учреждения, наркоматы и другие официальные организации и учреждения.

The article deals with one of the little-known aspects of the housing policy of the Soviet state in 1920-30-ies., related to the use of state housing monopoly on housing solutions for the economic problems in the Soviet Union, and above all we are talking about the development of industry in the towns within a known industrialization. To this end, the villagers, who came to the urban area, settled in the dormitories and apartments, belonging to the state and is available to guide companies, getting the most dependent on the latter. The paper presents the legal acts regulating this process, given their analysis and evaluation. In particular, according to the Decree SNK on the tariff issue on 10 September 1921 provided that the relationship of workers and employees now and the institution was “full”, while there was a note that it is the company, where the worker labored, lived in the housing stock, became a place of reception of cultural and household goods, including an apartment for your family. This approach gave the Soviet government initiated the process of creating a “labor-home communities”. The authors note in this context that the idea of labor-residential communities not only refers to the production teams of factories and plants, but also to other Soviet labor collectives, in particular, teams of employees of institutions. Moreover, in accordance with this principle resettled their employees’ central government, local councils, political institutions, commissariats and other official organizations and institutions.

Ключевые слова: жилищная политика, советское государство, монополия на жилье, молодежь, трудо-бытовые коммуны, квартиры, комнаты.

Keywords: housing policy, Soviet state housing monopoly, youth, labor and living commune, apartments, rooms

После Октябрьской революции 1917 г. советская власть сравнительно быстро осуществила обобществление жилого фонда, изъяв его из собственности бывших владельцев. Этот процесс касался в основном города, поскольку в деревне личная собственность крестьян на свои индивидуальные дома в силу укорененных традиций не нарушалась (в деревне также властью принимались меры в этом же направлении, однако это происходило за пределами рассматриваемого нами исторического периода). И именно в город по причине, во-первых, объявленной индустриализации и, во-вторых, потери у крестьян экономического стимула к сельхозпроизводству (власть нещадно обирала крестьян) потянулись на заработки жители окраинных сел и поселков. С учетом того, что жилищное строительство долго не могло набрать нужные объемы, образовался и ставший в дальнейшем перманентным огромный дефицит жилья. Попросту говоря, для нуждающихся не хватало квартир и комнат для проживания.

Государство, которое обратило жилой фонд в свое распоряжение, стало извлекать из этого дефицита определенные для себя выгоды, используя его для решения

неотложных экономических задач, стоящих перед новой советской властью, которые она же поставила. Одной из важнейших задач был подъем экономики: будущее России виделось большевикам в области индустриальной, а не аграрной. В.И. Ленин по этому поводу отмечал, что «только приток деревенского населения в города, только смешение земледельческого и неземледельческого населения может поднять сельское население из его беспомощности» [1, с. 224]. И вот этому «притоку» требовалось жилье, много жилья.

Была и другая проблема, требовавшая крестьянского «притока». Дело в том, что в городах, в промышленности, наблюдалась большая текучка кадров из числа рабочих, которые в поисках лучших условий труда, по причине несоответствия своей квалификации требованиям производства, из-за конфликтов с руководством и т.д. довольно интенсивно перемещались с одного места работы на другое. Текучка приводила к тому, что почти половина рабочих, проживающих в домах, которые закреплялись за соответствующим государственным предприятием, оказалась в начале 1920-х годов работающими на других предприятиях. В этой связи С.А. Гуревич отмечал, что «обследование 255 домов-коммун, проведенное к началу 1923 г., показало, что 42,2% населения этих коммун занято рабочими других предприятий» [2, с. 29]. Другой частью той же проблемы было неконтролируемое перемещение людей из деревни в город и из одного населенного пункта в другой. С ней особенно остро власть столкнулась начиная с 1923-1925 гг. Бывшие крестьяне перебирались в город, устраивались на фабрики и заводы, пополняли пролетарские трудовые коллективы [3, с. 29-34]. Оценивая это явление, Председатель ВЦСПС М.П. Томский в своем докладе XIV съезду ВКП (б) в 1925 г. так характеризовал это новое городское население: «Из каких элементов пополняется промышленная группа? Часть бесспорно за счет пролетарского элемента - дети рабочих, большинство комсомольцы. Это молодой, свежий элемент. Незначительная часть - старые рабочие, которые теперь возвращаются в крупные города из деревень, куда они сбежали во время голода. Большая же часть - свежие крестьянские элементы, крестьянская молодежь. Это те новые рабочие, которые за два года дополнили нашу промышленность и каждый год прибавляют на 14%. Этот состав не связан с историей рабочего класса последних революционных годов, он не знаком с фабрикой, не прошел фабричную школу, не является активным участником гражданской войны, той героической борьбы наших рабочих, которая происходила в эти годы ... Можно несколько остановиться на этом новом типе рабочего, пришедшего из деревни, который рассматривает себя до известной степени как гостя, как временного жителя фабрик и заводов. Под воскресенье, в субботу такой рабочий уезжает с заработком в свою деревню, к понедельнику он возвращается на работу с котомкой, в которой он приносит хлеб, картошку и другие продукты на неделю. Держится такой рабочий от общественной жизни рабочих ... особняком» [4, с. 163].

Такой контингент не устраивал власть тем, что был независим и поэтому ненадежен, в связи с чем власть не могла полагаться на него в своих долгосрочных планах. Независимость основывалась и на том, что, придя в город и став рабочим, крестьянин не обрел городской оседлости - он мог в любой момент вновь уйти из города в поисках лучших трудовых условий жизни. Ситуация в этом смысле осложнялась и тем, что период 1923-1925 гг. имел место мощный исход рабочих из города, то есть «обратная миграция» [5, с. 125] - возвращение переселенцев-неудачников. Так же активно шел процесс «циклической миграции», когда люди приезжали в города в поисках работы, но скоро по разным причинам вынуждены были уезжать. Одной из причин была проблема с жильем. В литературе приводится такой пример: «В городе Надеждинске, металлургическом центре Северного Урала, в 1925 г. 2/3 рабочих являлись текучей массой, приехавшей на заработок и уезжавшей из-за отсутствия жилья» [6, с. 12]. Позднее некоторую часть этих бывших городских рабочих и деревенской бедноты вытеснил из деревни НЭП, так как, даже обладая землей, они не смогли ею распорядиться.

И вот этих рабочих, перемещающихся между городом и деревней, нужно было привязать к рабочим местам, привязать к производству, подчинить организующей воли партии. «Извлекаться» квалифицированные рабочие из деревни должны были административным путем, а закрепляться в городе благодаря жилищу. Власти миграцион-

ные потоки нужны были лишь в одну сторону - из деревни в город. Здесь крестьянские массы должны оседать, вливаться в «трудо-бытовые» коллективы и «опролетариваться». Трудовые коллективы должны быть зависимыми от администрации предприятий и учреждений («заводоуправлений») и управляемыми ею. А если и перемещаемыми, то целенаправленно и планомерно, причем именно туда, куда нужно власти [4, с. 164].

И здесь важнейшим был тот фактор, что крестьянин имел пусть не очень комфортное, но свое жилище в деревне. Именно факт наличия или отсутствия своего жилища во многом, если не в решающей степени, определял жизненно-трудовую позицию человека. Если же крестьянина переманить в город, и так, чтобы жилье у него было только в городе, и это жилье ему будет предоставлено не иначе как в аренду, то есть внаем, то этим крестьянином, ставшим рабочим, можно манипулировать, заставляя его, например, быть привязанным к предприятию путем жесткого условия проживания в квартире (комнате) только в качестве рабочего данного предприятия. Это касалось, конечно, не только крестьян, приезжающих-уезжающих в город на заработки, но и самих городских рабочих, но именно крестьянский «поток» в город до предела обострил проблему кадрового голода и определил один из путей ее решения, связанный с жилищной кабалой.

Эта составная часть жилищной политики советского государства и стала реализовываться в виде формирования социального института «трудо-бытовых коммун», который был очень близким к своему истоку - институту «армейско-производственных» соединений - последние определялись постановлением СТО «О трудовых частях» [7], где власть жестко-командным методом пыталась решать проблему максимальной мобилизации трудовых ресурсов, необходимой в условиях падающей экономики. Такое решение, в свою очередь, имело партийно-политическую основу в виде резолюции IX съезда РКП (б) от 3 апреля 1920 г. «Об очередных задачах хозяйственного строительства» [8], в которой содержался отдельный раздел под названием «Трудовые армии», посвященный использованию воинских частей для решения трудовых задач. В нем было указано, что «использование воинских частей для трудовых задач имеет в равной степени практически-хозяйственное и социалистически-воспитательное значение» [8]. Но все же предположение, что трудовая армия может стать производственной единицей социалистического государства, не подтвердилось на практике, и трудовые армии пришлось распустить, поскольку их явный чрезвычайный характер никак не вписывался в послевоенный (после Гражданской войны) мирный период развития государства [4, с. 165].

А вот трудо-бытовые коммуны с присущим им закреплением рабочей силы, теперь уже не в казармах, а в жилом фонде, прикрепленном к конкретным предприятиям, вполне годились для решения той же задачи «удовлетворения потребности в рабочей силе всех хозяйственных органов Республики». Кроме того, трудо-бытовые коммуны должны были стать для советского человека основным местом распределения средств к существованию, и это обстоятельство еще более привязывало людей к конкретным предприятиям. Так, в Декрете СНК «Основное положение по тарифному вопросу» от 10 сентября 1921 г. указывалось, что «выдача и предоставление рабочему и служащему всего, что входит в заработную плату, должно производиться исключительно через предприятие и учреждение, "исключительно через заводоуправление", **чтобы связь рабочего и служащего с предприятием и учреждением была полной** (здесь и далее выделено нами. - авт.)» [9].

Именно предприятие, где рабочий трудился и в жилом фонде которого проживал, становилось местом получения культурных и бытовых благ (квартира, детский сад, врачебное обслуживание, санаторий, культурный отдых и т.д.); местом организации досуга (совместное с коллегами празднование дней рождения, банкетов, «красных» дней календаря, проведение молодежных вечеров, комсомольских свадеб и т.п.); местом получения привилегий (бесплатный проезд к месту летнего отдыха, транспортная помощь, дополнительные продовольственные пайки, персональный автомобиль и проч.); местом формирования отношений между людьми и местом проявления людьми себя в борьбе за лидерство, в борьбе за упрочение своего положения в коллективе, в

борьбе за продвижение по службе и т.д. Следует здесь заметить также, что идея трудо-бытовых коммун относилась не только к производственным коллективам фабрик и заводов, но и к любого рода советским трудовым коллективам, в частности коллективам служащих учреждений и предприятий - в соответствии с этим принципом расселяли своих сотрудников центральные органы власти, местные советы, общественно-политические учреждения, наркоматы и проч. Кроме того, помимо сельских жителей, ищущих в городе лучшей жизни, государство стремилось «привязать» к жилью предприятия и кадровых рабочих, которые должны были стать костяком «трудо-бытовых» коммун.

Новая и довольно мощная волна решений о расширении прав предприятий, органов власти и учреждений, владеющих закрепленным за ними жильем, по выселению «утративших связь» с ними работников пришла на время после окончания НЭПа, и характеризовался этот процесс расширением перечня ведомств, которые получали такое право. Так, Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1931 г. [10] предписывает, как следует поступать с уволенными работниками: «Органам Народного комиссариата путей сообщения и Народного комиссариата водного транспорта предоставляется право выселять в административном порядке во всякое время года из помещений, принадлежащих транспорту, лиц, не имеющих отношение к транспорту или потерявших с ним связь». Равным образом, почти как под копирку, было указано в постановлении ЦИК и СНК СССР от 17 августа 1931 г.: «Органам Народного Комиссариата по военным и морским делам предоставляется право выселять в административном порядке во всякое время года из принадлежащих им домов всех лиц, не состоящих в рядах рабоче-крестьянской Красной армии» [11]. То же наблюдается в постановлении СНК СССР от 7 сентября 1931 г. [12] и др.

С принятием этих законов была подведена мощная правовая база по закреплению работающих за теми предприятиями и учреждениями, где они трудились. В дополнение к этому в 1932 г. была введена паспортная система с пропиской, при этом население привязывалось к селитьбе по месту расположения производства, причем в количестве, исключавшем избыток рабочей силы, а следовательно, конкуренцию и безработицу [13]. Еще позже, после введения трудовых книжек [14], население прикрепляется к месту работы, причем в форме, обеспечивающей не только учет рабочих и служащих, но и характер отношения к трудовой деятельности. Апофеозом такой политики стал принятый в 1940 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [15], совершенно официально и окончательно закрепляющий рабочих и служащих за местом работы и за тем жилищем, которое они получали от предприятия. При этом «основным застройщиком жилища выступали, прежде всего, градообразующие предприятия (то есть те, из-за которых, собственно, и формировался населенный пункт, представлявший собой "селитьбу при производстве"). Именно они отвечали за размещение контингентов своих рабочих, планировали объемы и типологию жилищного строительства, получали для этого финансовые средства, застраивали и, как правило, содержали крупные фрагменты городской среды, а также элементы общегородской инфраструктуры (трамвай, котельные, энергетические подстанции, системы канализации и водоснабжения и проч.)» [16, с. 32]. Известный специалист по этой проблематике М.Г. Меевич в ряде своих работ довольно подробно описывает архитектурно-строительную политику советского государства в этом контексте [17; 18].

Таким образом, используя монополию жилища, власть решала одновременно две проблемы, связанные с оттоком трудовых сил из городов, поскольку отток не позволял обеспечивать стабильность трудовых контингентов, и неконтролируемым прибытием трудовых контингентов в города (люди, приезжавшие в город из сельской местности, собственно, и являлись целью и результатом проводимой властью официальной политики «раскрестьянивания») - за счет «самоуплотнения» она боролась с оттоком трудящихся из города и за счет того же самого «самоуплотнения» решала вопрос размещения в городе пребывающих мигрантов путем вселения на выявляемые избытки жилой площади.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 2.
2. Гуревич С.А. Обзор жилищно-коммунального дела в Москве и деятельность Московской Жилищно-Коммунальной Инспекции и Секции Коммунальной Санитарии в 1922 г. Издание Санитарной Части М.О.З. - М., 1923.
3. Рогачевская Л.С. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации (1926-1927 гг.). - М., 1959.
4. Меерович М.Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917-1940 годах) // Вестник Евразии. - 2003. - № 1. - С. 163.
5. Бородкин Л.И., Максимов С.В. Крестьянские миграции в России / СССР в первой четверти XX века (Макроанализ структуры миграционных потоков) // Отечественная история. - 1993. - № 5. - С. 125-130.
6. Современная архитектура. - 1927. - № 1. - С. 10-15.
7. Постановление Совета Труда и Оборона «О трудовых частях» от 30.03.1921 г. // Известия ВЦИК. - 1921. - 9 апреля.
8. Резолюция IX съезда РКП (б) «Об очередных задачах хозяйственного строительства» от 03.04.1920 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5-ти т. 1917-1967 гг. Сборник документов за 50 лет. - М.: Политиздат, 1967. - Т. 1. - С. 161-173.
9. Декрет СНК «Основное положение по тарифному вопросу» от 10. 09.1921 г. // СУ РСФСР. - 1921. - № 67. - Ст. 513.
10. Постановление ЦИК и СНК СССР «О выселении из помещений, принадлежащих органам транспорта, посторонних лиц и о переселении работников транспорта» от 13.02.1931 г. // СЗ СССР. - 1931. - № 10. - Ст. 110.
11. Постановление ЦИК и СНК СССР «О выселении из домов, принадлежащих органам Народного комиссариата по военным и морским делам, лиц, не состоящих в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии» от 17.08.1931 г. // СЗ СССР. - 1931. - № 53. - Ст. 342.
12. Постановление СНК СССР «О выселении из помещений, принадлежащих Центральному управлению шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта и его органам, посторонних лиц» от 07.09.1931г. // СЗ СССР. - 1931. - № 58. - Ст. 376.
13. Постановление ЦИК и СНК «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» от 27.12.1932 г. // СУ РСФСР. - 1932. - № 84. - Ст. 516.
14. Постановление СНК СССР «О введении трудовых книжек» от 20.12.1938 г. // СЗ СССР. - 1938. - № 58. - Ст. 329.
15. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» от 26.06.1940 г. // СЗ СССР. - 1940. - № 16. - Ст. 385.
16. Меерович М.Г. От городов-садов к соцгородам: основные архитектурно-градостроительные концепции в СССР (1917 - первая половина 1930-х гг.). Автореф. дис. ... д-ра архитектуры. - М., 2015. - С. 32.
17. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 годы). - М., 2008.
18. Меерович М.Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917-1941 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. - Иркутск, 2004.

REFERENCES

1. Lenin V.I. MSS. Ed. 5th. T. 2.
2. Gurevich S.A. Overview of housing and communal affairs in Moscow and the activities of the Moscow Housing-Communal and Inspection Utility Sanitation Section 1922 Edition Health Part M.O.Z. M., 1923.
3. Rogachevskaya L.S. the working class of the USSR in the early years of industrialization from the history (1926-1927 gg.). M., 1959.
4. Meerovitch M.G. Authorities and Housing (Housing Policy in the USSR in 1917-1940 years). Bulletin of Eurasia. 2003. No.1. P. 163.
5. Borodkin L.I., Maksimov S.V. Peasant migration to Russia. the Soviet Union in the first half of a quarter of the twentieth century (Macroanalysis structure of migration flows). National History. 1993. № 5. Pp. 125-130.
6. Modern architecture. 1927. No. 1. Pp. 10-15.
7. Resolution of the Council of Labor and Defense "On labor units" from 03.30.1921, the Izvestia. 1921. April 9th.
8. Resolution of the IX Congress of the RCP (b) "Immediate Tasks of economic construction" from 03.04.1920. The decisions of the party and the government on economic issues. In 5 m. 1917-1967 gg. Collection of documents for 50 years. M., Politizdat, 1967. T. 1. Pp. 161-173.
9. Decree SNK "The main provision on tariff issue" from 10. 09.1921. SU RSFSR.1921. Number 67. St. 513.

10. Resolution of the Central Executive Committee and SNK "On eviction from premises owned by transport authorities, third parties and the resettlement of transport workers" from 13.02.1931 g. SZ the USSR. 1931. No. 10. article 110.
11. Resolution of the Central Executive Committee and SNK "On eviction from their homes, with the appropriate authorities, the People's Commissariat for Military and Naval Affairs of persons who are not in the ranks of the Workers 'and Peasants' Red Army" from 17.08.1931 g. SZ the USSR. 1931. No. 53. Art. 342.
12. Resolution SNK "On eviction from the premises belong to the Central Management-lying roads and dirt roads and road transport, and its bodies, foreign persons" from 07.09. 1931. SZ the USSR. 1931. No.58. Art. 376.
13. Resolution of the Central Executive Committee and SNK "On establishment of a single passport system by the USSR and the mandatory registration of passports" from 27.12.1932. SU RSFSR. 1932. No. 84. Art. 516.
14. Resolution SNK "On the introduction of labor books" from 20.12.1938 g. SZ the USSR. 1938. No. 58. Art. 329.
15. Decree of the Supreme Soviet of the USSR "On the transition to the EIGHTH-hour working day, seven-day work week and the prohibition of unauthorized departure of workers and employees from enterprises and institutions" from 26.06.1940 g. SZ the USSR. 1940. No. 16. Art. 385.
16. Meerovitch M.G. From urban gardens to Sotsgorod: basic architectural and town planning concept in the USSR (1917 - first half of the 1930s.). Author. diss. ... Dr. architecture. M., 2015. P. 32.
17. Meerovitch M.G. Punishment housing: Housing policy in the Soviet Union as a means of managing people (1917-1937 years). Moscow, 2008.
18. Meerovitch M.G. The socio-cultural foundations of the state housing policy in the RSFSR (1917-1941 gg.). Irkutsk., 2004.

Информация об авторе:

Попов Михаил Юрьевич, доктор
социологических наук, профессор,
г. Краснодар, Россия
popov-52@mail.ru

Упоров Иван Владимирович, доктор
исторических наук, профессор, Краснодарский
университет МВД России,
г. Краснодар, Россия
uporov@list.ru

Получена: 06.03.2017

Для цитирования: Попов М.Ю., Упоров И.В.,
Использование государственной монополии
на жилье для решения социально-
экономических проблем как составная часть
советской жилищной политики в 1920-30-е гг.:
правовой аспект. Историческая и социально-
образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 2.
Часть 1. с. 57-62.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-57-62.

Information about the author:

Mikhail Yu. Popov, Doctor of Sociological
Sciences, Professor,
Krasnodar, Russia
popov-52@mail.ru

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences,
Professor, Krasnodar University of the Russian
Ministry of Internal Affairs,
Krasnodar, Russia
uporov@list.ru

Received: 06.03.2017

For citation: Popov M.U., Uporov I.V., Using of
state housing monopoly to address socio-
economic issues as part of the soviet housing
policy in the 1920-30s.: legal aspect.
Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'
= Historical and Social Educational Idea. 2017.
Vol . 9. no.2. Part. 1. Pp. 57-62.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-57-62. (in
Russian)